

онъ изъ поля нашего зрѣнія: пусть называютъ смертью уходъ Толстого: мы же знаемъ, что смерть его — не смерть: воскресеніе. Дѣйствіе его, по безумію дерзости, превосходитъ все то, что вообще мы знаемъ доселѣ о дерзости: или антихристъ онъ, или онъ новый герой. Всталъ, сказалъ: „Вотъ сейчасъ перевѣшу я на вѣсахъ правды Европу, Австралію, Азію, Африку и Америку: вы увидите у меня на плечахъ земной шаръ“. Наклонился, коснулся рукою земли—упалъ мертвый. Мы же знаемъ, что это не смерть.

Но какую же надо обладать нравственной силой, чтобы многіе годы умѣть воздержаться отъ давно задуманнаго ухода изъ міра, чтобы пойти восьмидесятилѣтнимъ старцемъ—черезъ смерть. Всѣхъ насъ застигаетъ смерть незамѣтно: всѣ мы или убѣгаемъ отъ смерти, или ищемъ ее тогда, когда еще не исполнились для насъ послѣдніе сроки: смерти онъ не бѣжалъ, еще менѣе онъ искалъ смерти. Съ мудрой улыбкой терпѣливо выжидалъ ее онъ десятки лѣтъ, чтобы издали, видя приближеніе смерти, встать предъ лицомъ всего міра и пройти чрезъ нее, мимо нея.

Что заставило ахнуть весь міръ, то явилось слѣдствіемъ постепеннаго роста личности именно въ тѣ долгіе годы, когда хоръ согласныхъ похвалъ Толстому—художнику укоризненно обрывался предъ Толстымъ-человѣкомъ. Въ опытѣ молчаія, въ подвижничествѣ выросалъ Левъ Толстой—человѣкъ,—когда раздавались упреки въ его проповѣдническомъ безсиліи. Всѣмъ намъ еще недавно казалось, что въ основаніи толстовства лежитъ перечень ходячихъ истинъ и общихъ мѣстъ о томъ, что добро есть добро, а зло—зло; всѣмъ намъ еще недавно казалось, что выводы изъ этихъ истинъ есть старческое безуміе предъ лицомъ всего міра: и толстовскій путь называли мы—путемъ творческаго безсилья; но въ итогѣ этого безилья оказалась титаническая сила Толстого, проходящаго сквозь смерть. Столь простыя и нехудожественныя слова его оказались не такъ-то ужъ просты; нехудожественность ихъ озарилась какими-то невидными для очей лучами красоты высшей. По концу дѣятельности проповѣдника мы оправдываемъ нѣкогда казавшееся намъ безильнымъ *начало*. Безцѣльная цѣлесообразность его ходячихъ истинъ, нравуоченій, назиданій и притчъ оказалась реальностью имъ самому себѣ поставленной цѣли: побѣдить смерть. И когда онъ этой цѣли достигъ, художественное безплодіе его словъ мгновенно оплодотворилось лучами, павшими отъ его личности.